

Всеволод ГАРШИН: биография в письмах и документах

ляет чистое «искусство для искусства» не в философском смысле этого слова, а в скверном. Для нас нет правды (в смысле справедливости), ни добра, ни красоты, для нас есть только интересное и неинтересное, «законное» и незаконное».

Из письма В. М. Гаршина крестьянину-самоучке И. Т. Полякову, 30 марта 1882 г., Ефимовка

«Искренне благодарю вас за доброе мнение о моих рассказах. Если в них нет большого умения и блеска, то все-таки есть одно достоинство: писал я их искренно, не сочиняя, а выкладывая на бумагу то, чем действительная душа мучилась. И если найдется другая душа, которая поймет это, как поняли вы, так вот и вся возможная награда для рассказчика — большей и не нужно».

Из письма В. М. Гаршина П. В. Александровой, 22 февраля 1876 г.

Дорогая Раиса Всеволодовна! По случаю 19 февраля (1861 г., отмена крепостного права.—Г. О.) написались у меня стихи. Простите, что без вашей просьбы привожу вам их..

Пятнадцать лет тому назад Россия Торжествовала, радости полна, Поиску в своем деревенском храме Мольне бог возносил народ: Надежды наполняли наши души И будущее выдвело в сиянии Свободы, правды, мира и труда. Над родиной «Свободы просвещенной» Ты засияла, кроткая заря! Исполнилось желание поэта, Когда, народным горем удрученный, Он спрашивал грядущее тоскливо, Когда конец страдания народа, Придет или нет освобождения день? Свершилось! Ржавые оковы с звоном Упали на землю. Свободны руки! Но раны трехсотлетние остались, Натерты железом кандалов, Изогнута спина безмерным гнетом, Иссечена безжалостным кинжол, Разбито сердце, голова в тумане Неизвестна; работа из-под палки Оставила тяжелые следы. И, как больно опасно болезнью, Стал тихо выздоравливать народ. О, раны прикрыты богатыря! Спиши, встанай, беда настанет скоро! Она пришла! Бесстыдная толпа Не дремлет; скоро выюют сеги, Опутано израненное тело И прежние мученья начались!

Прочь, прочь, прочь! С меня довольно песен! Противны мне их звуки! Месть велит перо сломать и взять кинжал убийцы!

«Да, мечь велит! А ты сидишь тут и пишешь! Пописываешь дрянные стишочки, напольные фразы, а чтобы сам что-нибудь сделать — ни шагу. Впрочем,

Когда науки трудный путь пройдет, Когда в борьбе и жизни дух окрепнет, Когда спокойным оком, беспристрастно Я в состоянии буду наблюдать Людей поступки, тайные их мысли Читая начну своим духовным взором, Когда пойму вполне ту тайну жизни, Которой смутно чую бытие,— Тогда возьму бесстрашно рукою Перо и меч и изготворю к бою.

Из письма И. С. Тургенева В. М. Гаршину, 3 сентября 1882 г. Изво всех наших молодых писателей вы тот, который возбуждает большие надежды... У вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание характерных черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и краснота формы — и, как результат всего, оригинальность...

Из автобиографии В. М. Гаршина, 30 января 1884 г., Петербург Теперь пытаюсь писать «большое» из жизни, с бытописанием, но жизнь до такой степени переплелась с нецензурными явлениями, что постоянно наталкиваешься на них и разбиваешь себе лоб...

Из письма В. М. Гаршина В. А. Фаяску, 9 июля 1883 г., Петербург «Что вам еще сказать о себе? Послезавтра минет полгода, как мы обвенчались, и эти полгода — самые счастливые дни моей жизни, и чувствуется, что так пойдет надолго, если не вмешаются какие-нибудь внешние обстоятельства».

Из письма В. М. Гаршина В. М. Лапкину, 30 января 1884 г., Петербург Теперь пытаюсь писать «большое» из жизни, с бытописанием, но жизнь до такой степени переплелась с нецензурными явлениями, что постоянно наталкиваешься на них и разбиваешь себе лоб...

Из письма В. М. Гаршина В. М. Лапкину, 20 февраля 1885 г., Петербург «Ездил в Москву, повидаться с Львом Николаевичем Толстым не удалось. Толстой уехал в деревню... Я чувствую настоятельную потребность говорить с ним».

Приехал П. и говорит, что ты все споришь об искусстве, всегда ставишь русское так высоко, как истинный «сын Отечества». В каком бы восторге был бы ты теперь, увидев «Ивана Грозного» Репина. Да, такой картины у нас еще не было, ни у Репина, ни у кого другого — и я желал бы посмотреть все европейские галереи для того только, чтобы сказать то же и про Европу... Представь себе Грозного, с которого соскочил шар, соскочил Грозный, тиран, владыка, — ничего этого нет, перед тобой только выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара в минуту стал человеком.

Я рад, что живы, когда живет Илья Ефимович Репин. У меня нет похвал для этой картины, которая была бы ее достойна...

Из письма В. М. Гаршина С. Я. Надсону, 20 декабря 1886 г., Петербург Живу я благополучно, работаю много, лето провел унаследованным образом: четыре месяца лежал в постели...

Из письма В. М. Гаршина Н. М. Гаршиной, 2 апреля 1887 г., Гурзуф «Ходишь по тропинкам, по которым и Пушкин хаживал 65 лет тому назад, и что-то важное и глубокое охватывает душу. У меня на душе теперь очень спокойно... Хочется работать».

Из воспоминаний А. И. Эргеля Он был от мира правды, добра и красоты, и вечная ему память среди нас, что он своими произведениями, своею чистотой и откровенностью своей глубоко неуходящей жизнью лишний раз напомнил нам, что только там возможно доступное человеку счастье, где радость и горе идут, правильно чередуясь друг с другом, где нет ненужной жестокости, ненужной злобы и ненужного поругания... где, одним словом, поэтическое «майское утро» не возмущает нравственного чувства своим диким контрастом с человеком «силящим, согнувшись в комок, в углу котла и подставляющим свою грудь под удары молота».

Публикация подготовлена Г. ОРЕХАНОВОЙ.

Из автобиографии

Род Гаршинных — старый дворянский род. По семейному преданию, наш родоначальник Мурза Горша, или Гарша, вышел из Золотой Орды при Иване III и крестился; ему или его потомкам были даны земли в нынешней Воронежской губернии, где Гаршинны благополучно дожили до нынешних времен... О Гаршинных много сказать не могу. Дед мой Егор Архипович был человек крутой, жестокий и властный; порол мужиков... Странным образом, отец мой был совершенно противоположною леду: служил в кирасирах (в Гидрографическом полку) в николаевское время, он никогда не был солдат... Он окончил курс в Московском университете на юридическом факультете, но потом, как он сам говорил, «увлекся военной службой» и поступил в кирасирскую дивизию. Квартира с полком на Донце и езда с офицерами по помещикам, он познакомился с моей матерью Екатериной Степановной, тогда еще Акимовою, и в 1848 году женился.

Ее отец, помещик Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, оставший морской офицер, был человек очень образованный и редкой хороши. Отношения его к своим крестьянам были так необыкновенны в то время, что окрестные помещики прославляли его опасным вольнодумцем, а потом и помещиком. Помещательство его состояло, между прочим, в том, что в год 1843 года, когда в тех местах чума не полнаселенная вымерла от голодного тифа и чинги, он заложил имение, занял денег и сам привез «из России» большое количество хлеба, которое и раздал даром голодающим мужикам, своим и чужим...

Я родился третьим (в имени бабушки, в Бахмутском уезде), 2 февраля 1855 года...

«Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в три года жизни с отцом, от пяти до восьмилетнего возраста. В 1863 году матушка приехала за мною из Петербурга и увезла с собою.

С тех пор я петербургский житель...

Из воспоминаний друга детства художника М. Е. Малышева

«Всеволода Михайловича Гаршина я помню с 1865 г., когда я поступил во второй класс бывшей 7-й гимназии, ныне 1-го реального училища.

Гаршин в тот же год перешел из первого класса во второй, и тут мы с ним познакомилась и сошлись. Он был мальчик необыкновенно скромный, улыбающийся, веселый и чудесный товарищ. И хотя я не отличалась всеми этими качествами, но мы с ним подружались и до самой трагической кончины Гаршина жили душа в душу... Вряд ли найдется кто, могущий сказать дурное об этом действительно глубоко честном и хорошем человеке».

Из автобиографии

«Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особо ленью: много времени уходило на постороннее чтение... Хорошие отметки я получал только за русские «сочинения» и по естественным наукам, к которым чувствовал сильную любовь, не умершую и до сих пор, но не нашедшую себе приложения».

Из воспоминаний В. А. Фаяску, одного из ближайших друзей В. М. Гаршина крупного ученого-зоолога

«Я знал его 12 лет; я любил его ясный ум, любил его занимательный оживленный разговор, ценю его изысканный, всеми признанный литературный талант. Но для меня, как вероятно и для всех, кто его лично знал, его ум и его талант как-то бледнели и отходили на второй план перед необыкновенною прелестью его личного характера.

В этом отношении он был человек необыкновенный в полном смысле этого слова. Я часто думал, что если можно представить себе такое состояние мира, когда в человечестве наступила бы полная гармония, то это было бы тогда, если бы у всех людей был такой характер, как у Всеволода Михайловича».

Он не был способен ни на какое дурное движение душевное. Основная черта его была — необыкновенное уважение к правам и чувствам других людей, необыкновенное признание человеческого достоинства во всяком человеке, не рассудочное, не вытекающее из выработанных убеждений, а бессознательное, инстинктивно свойственное его натуре. Чувство человеческого равенства было ему присуще в высшей степени; всегда, со всеми людьми без исключения, держался он одинаково».

Из автобиографии

«Не имея возможности поступить в университет, я думал сделать доктором. Многие из моих товарищей (предыдущих выпускков) попали в Медицинскую академию и теперь доктора. Но как раз ко времени моего окончания курса Делянов подал записку покойному государю, что вот, мол, реалисты поступают в Медицинскую академию, а потом проникают из академии в университет. Тогда было приказано реалистам в доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь из технических заведений: я выбрал то, где поменьше математики, Горный институт. Я поступил в него в 1874 году.

Из воспоминаний А. В. де-Лазари, друга семьи Гаршинных

«Детей у Гаршинных было четверо... Жили мы с Гаршинными в Старобельске почти рядом. Всеволод Михайлович учился тогда в Петербурге, был студентом Горного института и каждое лето приезжал на каникулы к матери».

Умиляла меня тогда его необычайная любовь к детям. Была еще в нем, в характере его, особенная черточка. Кроме детей, он как-то чисто и мило обожал беременных женщин. Все лицо его озарялось, когда он видел такую женщину. — Я не знаю, отчего это, — но мне так хочется полойти к ней, помочь ей перейти через улицу, попятиться по лестнице, чем-нибудь услужить, успокоить и обрадовать, — смущенно и ласково улыбаясь, говорил он.

Из автобиографии

«В 1876 году хотел уйти в Сербию, но, к счастью, меня не пустили, так как я был первичного возраста. 12 апреля 1877 г. я с товарищем (Афанасьевым) готовился к экзамену по химии; принесли манифест о войне. Наши записки остались открытыми: мы подали прошение об увольнении из института и уехали в Кишинев.

Из записок В. А. Фаяску

«Пришел 1877 год, и весной была объявлена война. Всеволод был в это время в Петербурге. Через несколько дней после манифеста 12 апреля родные его получили от него письмо, где он извещал, что оставляет Горный институт и идет на войну вольноопределяющимся. Для его матери это было большое горе, а для его молодых братьев харьковских приятелей — смелый и великодушный поступок».

Из письма В. М. Гаршина Е. С. Гаршиной, 12—13 апреля 1877 г., Петербург Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули...

Сто лет прошло со дня трагической смерти в Петербурге русского писателя Всеволода Михайловича Гаршина. Время заставило лишь остро осознать то огромное значение, которое имеет его редкое дарование для развития мировой культуры.

Все, что написано Гаршинным, предельно искренне и отражает такую нравственную высоту и глубину чувства художника, что ставит его в ряд лучших писателей-гуманистов эпохи — Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова.

В. М. Гаршин прожил всего тридцать три года. Начало творчества писателя неразрывно с его поступлением в общественную жизнь как гражданина: в 1877 году он добровольцем ушел на фронт сражений русско-турецкой войны. В 1877 году выходит в свет первая повесть, задуманная как книга «Люди и война». Пафос военных произведений Гаршина — сознание и протест против бессмысленной кровавой бойни, в месиве которой Человек, несмотря ни на что, сохраняет понимание величия Добра и Милосердия.

Невелико по объему литературное наследие В. М. Гаршина, но оно включило в себя все основные проблемы времени. Творчество его отчасти романтическая поэтика. Это очевидно, особенно в рассказах «Атаея принцесса» и «Красный цветок», где герой, отстаивая право на свободу, вступает в непримиримую борьбу с мировым злом, сознательно принося себя в жертву. В его произведениях, публицистике, письмах свидетельства непримиримости писателя по отношению к модернизму, который он не принимал за отсутствие в нем высокого идеала, за отказ от «героической личности». Гаршин один из немногих писателей, которые, отражаясь напряженным поиском нравственного идеала, проявляются глубочайшая озабоченность художника идеями, которая привносит интеллигентную и служебную форму литературы в интересах народа созвучия и искания Л. Н. Толстого того времени.

Личная жизнь Гаршина и его общественное поведение ни на йоту не расходились с теми высочайшими нравственными требованиями, которые он выдвигал в своем творчестве. Может быть, именно поэтому так трагично окончилась его неудавшаяся попытка предостеречь казнь революционера И. О. Младенцова. Трагическое самоубийство во многом было следствием того неразрешимого конфликта, который неизбежен, когда ранимая, чистая душа сталкивается с жестокостью общественной несправедливости.

«Есть таланты писательские, сущностные, художнические, — писал А. Чехов, — у него же особый талант — человеческий. Он обладает тонким, великодушным чутьем к боли вообще».

Нравственные силы писателя были так велики, что он сумел наполнить свои произведения жизнеутверждающим смыслом, одухотворить творчество пафосом добра и милосердия. Разве не нужно нам это сегодня? Разве не чувствуем мы острую необходимость в проникновенном гаршинском слове?

В конце 1884 года В. М. Гаршин написал свою автобиографию, которая позволяет нам проникнуть в духовный мир писателя, понять, как формировалась личность этого удивительного человека, увидеть, какие задачи ставил он перед собой. Постараемся с помощью не опубликованных ранее и уже известных воспоминаний о нем современников, писем, фрагментов из произведений, воссоздать духовный облик Всеволода Михайловича, полнее понять его личность, его творчество.

ЧУВСТВО ПРАВДЫ И МЕРЫ

Из письма В. М. Гаршина Е. С. Гаршиной, 26 мая 1877 г., г. Альбешты

«Чтобы вы могли посмотреть на карте, где мы идем, вот вам некоторые пункты: Кишинев, Леова, Фальчи, Берлад, Текуча... Иду я больше, выдерживаю поход хорошо. Ни разу не отстал и не сиделся в фуру».

Идти вообще довольно трудно, особенно когда большие переходы. А у нас были подряд два перехода: 45 и 40 верст. Впрочем, физические трудности мне и не кажутся трудными: внутренние мучения, как оказываются, гораздо мучительнее».

Никогда мне не приходит в голову мысль расквитаться, что я пошел в поход. Это такая хорошая школа, особенно для меня, потому нужно воспитание характера».

Из полковой реляции

Рядовой Всеволод Гаршин примером личной храбрости увлек вперед товарищей в атаку».

Из воспоминаний М. Е. Малышева

«Прибыв в г. Белу, я узнал, что Всеволод Михайлович ранен и находится тут же в походном госпитале. Наша встреча в Беле была совершенно неожиданностью для нас обоих и поэтому, несмотря на печальную госпитальную обстановку, очень нас порадовала. Рана Гаршина была не опасна».

Из автобиографии

В кампаниях я был до 11 августа, когда был ранен. В это время, в походе, я написал свою первую, напечатанную в «Отечественных записках» вещь «Четыре дня». Поводом к этому послужил действительный случай с одним из солдат нашего полка (скажу кстати, что сам я ничего подобного никогда не испытал, так как после раны был сейчас же вынесен из огня).

Из рассказа «Четыре дня»

«...Какие-то странные звуки доходят до меня. Как будто бы кто-то стонет. Да, это — стон. Лежит ли около меня какой-нибудь такой же забытый, с перебитыми ногами или с пулей в живот?»

Нет, стоны так близко, а около меня, кажется, никого нет... Боже мой, да ведь это — я сам! Тихие, жалобные стоны; неужели мне в самом деле так больно?»

Нет, не может быть! Наши не ушли. Они здесь, они выжили турок и остались на этой позиции. Отчего же нет ни говора, ни треска костров? Да ведь я от слабости ничего не слышу. Они, наверное, здесь».

— Помогите... Помогите!.. — А вот и мой сосед. Да, это — турок, труп. Какой огромный! Я узнаю его, это тот самый... Передо мной лежит убитый мною человек. За что я его убил?»

Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он? Быть может, и у него, как и у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у двери своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец? А я? И я так же... Я бы даже поменялся с ним. Как он счастлив: он не слышит ничего, не чувствует ни боли от ран, ни смертельной тоски, ни жадности... Штык вошел ему прямо в сердце... Вот на мундире большая черная дыра; вокруг нее кровь. Это сделал я. Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пулю. И я пошел и подставлял».

Из письма В. М. Гаршина Н. С. Друнделю, педагогу, другу писателя, 18 мая 1878 г., Харьков

От очень многих хороших людей выдан и мне аттестат «хорошего». Эти хорошие качества (буде они существуют) нужно, наконец, пустить в оборот. Ты, вероятно, удивишься,

когда я скажу тебе, на что я решился. Я хочу оставаться в военной службе».

Ни за что, не даю тебе непосредственных результатов, я не рискну ввязаться. Писательство имеет результаты непосредственные — изыскание (насколько изыскание — это другой вопрос) произведение, шевеление если не мозги, то чувства (в моем случае, бера меня) людей. Вот почему я писать не брошу. Учиться (т. е. читать разные умные книжки) я не брошу до смерти, но ввязаться за какой-нибудь «курс» не ради себя, своего любопытства, а никогда не возьмусь. «Что он летает?» Учится! До каких пор я буду учиться, до каких пор с меня не будет ни шерсти, ни молока?

Из письма В. Н. Афанасьеву, конец мая 1878 г., Харьков

Мы с тобой достаточно убедились в плохом положении нашей армии. Мы хотим уходить из нее именно потому, что в ней для нас скверно, душно. Если так будут рассуждать все, включая гадость в военной среде, то никогда и среда ни изменится. Не лучше ли нам влезть в эту среду? Может быть, что-нибудь и сделаем путного. Может быть, со временем мы будем иметь возможность не допустить бить солдата, как это делается теперь, не допустить вырывать из его рта последнюю корку хлеба».

Из письма В. М. Гаршина Е. С. Гаршиной, 14 марта 1879 г., Петербург

«То обстоятельство, что мне, быть может, дадут крест, ужасно меня возмущало: делю, конечно, не в кресте, а воспоминания влуд поднимались и наполняли душу. Вспомнил день 11 августа 1877 г., быть может, единственный день, когда вполне сознавал себя честным и порядочным человеком. Тот, кто не бывал под пулями, вряд ли поймет, что этим я хочу сказать... Убитые товарищи и теперь передо мною, как живые, особенно Федоров, на моих руках истекший кровью».

Из воспоминаний В. А. Фаяску

«Настоящим властителем его дум был Лев Толстой. Его произведения были для него настольной книгой, несравненным образом художественного творчества. Человеческая жизнь, изображенная в романах Толстого, еще для него как бы еще более реальной, еще более действительной, чем настоящая жизнь... Говоря о каком-нибудь общественном явлении или о душевной жизни человека, он ссылался на примеры из романов Толстого, как на нечто вполне реальное, как на неопровержимые аргументы. Он перечитывал его десятки раз и помнил всякую подробность. О героях и об разных событиях из романов Толстого он часто в разговоре упоминал таким тоном, как будто это был не вымысел, а действительные люди, истинные происшествя».

Из письма Н. С. Тургенева В. М. Гаршину, 14 июня 1880 г.

«С первого вашего появления в литературе я обратил на вас внимание, как на несомненный, оригинальный талант... ваше последнее произведение «Война и люди» окончательно утвердило за вами, в моем мнении, первое место между начинающими молодыми писателями. Это же мнение разделяет и гр. Л. Н. Толстой, которому я давал прочесть «Войну и людей»».

Из автобиографии

Вернувшись с войны, я был произведен в офицеры, с большим трудом вышел в отставку... Некоторое время слушал лекции в университете (по историко-филологическому факультету). В 1880 году заболел и по этому случаю и прожил долго в деревне у дяди.

Из воспоминаний писателя-демократа А. И. Эргеля

«Не могу не упомянуть... что Всеволод Михайлович, рассказывая мне, долго спустя о том состоянии, которое предшествовало его болезни, о тех ощущениях и мыслях, с которыми он уезжал из Петербурга, о тех переменах мрака и света, которыми волновалась его измученная и обеспокоенная душа, с чувством живейшего умиления вспоминаю о том, как с дороги из Тулы пошел пешком в Ясную Поляну к незнакомому ему в то время графу Л. Н. Толстому, о разговоре с ним, длившемся всю ночь, и о том, что считает эту ночь «лучшей и счастлившей» в своей жизни».

Из рассказа «Художники»

«...И я сижу перед картиной, и на меня она действует. Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измененную фигуру. Иногда мне даже слышатся удары молота».

«Кто позвал тебя? Я, я сам создал тебя здесь. Я вызвал тебя, только не из какой-нибудь «сферы», а из душевного, темного котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту чистую, прилипанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный к полотну, смотри с него на эти фрак и трансы, крики им: я — язва растущая! Ударь их в сердце, лишь их сна, стань перед их глазами призраком! Убей их спокойствие, как ты убил мое»».

Из воспоминаний В. А. Фаяску

Он очень любил живопись, и насколько я знаю, и в этой области искусства обладал хорошим вкусом и пониманием».

Позднее его знакомства в художественном мире еще более расширились, особенно среди членов товарищества передвижных выставок; он был в дружеских отношениях с И. Е. Репиным и Н. А. Ярошенко».

Из письма В. М. Гаршина И. Н. Крамскому, 14 февраля 1878 г., Петербург

«О моменте, изображаемом вашей картиной «Христос в пустыне»... Те черты, которые вы придали своему созданию, по-моему, вовсе не служат к возбуждению жалости к «страдальцу» (говорю это потому, что один из толкочателей нашел, что лицо Христа ужасно жалко). Нет, меня они сразу поразили, как выражение громадной нравственной силы, не нависти ко злу, совершенной решимости бороться с ним. Он поглощен своею наступающею деятельностью, он перебирает в голове все, что он скажет презренному и несчастному люду, от которого он ушел в пустыню подумать на свободе; он сейчас же взял бы связку веревки и погнался из храма бесстыдных торгашей».

Из письма В. М. Гаршина П. В. Александровой, 27 ноября 1875 г.

«...Был раз на репетиции симфонического собрания и слушал симфонию Листа — Divina Comedia, т. е. Божественная комедия. Впечатление страшное. Первые аккорды действительно переносят вас прямо в ад. Ах, милейшая музыкантша, зачем вы не слышите настоящего оркестра! Что бы вы сказали!».

Из воспоминаний В. А. Фаяску

При такой разносторонности интересов В. М. Гаршин был одарен сильным умом и умом в высшей степени свободным и самостоятельным. Никогда, несмотря на крайнюю мягкость своего характера, не поддавался он влиянию чужих мнений, никогда не боялся беспристрастно и искренне высказать свой взгляд, как бы он ни шел вразрез с мыслями и чувствами его собеседника; и когда вы говорили с ним, вы чувствовали невольно, что этот человек действительно серьезно передумал то, что говорит, и искренность его не подлежит никакому сомнению».

«Ко всем явлениям жизни он относился критически, и его наклонность к анализу и строгой честности еще в юношестве делала для него невозможным увлечение многими иллюзиями, несмотря на его жажду общепольного дела, на болезненное ощущение злых сторон жизни, на порывы самопожертвования. По вопросам общественной жизни он не принадлежал, строго говоря, ни к одному из наших направлений; свободный от увлечений, он беспристрастно и терпимо относился к чужим теоретическим взглядам, которых сам никогда не разделял. Но это вовсе не был индифферентизм к вопросам политики и общественной жизни; его независимость и беспристрастие не мешали ему в некоторым направлениям русской жизни и в некоторым литературным лагерям относиться безусловно враждебно».

Из письма В. М. Гаршина В. М. Лапкину, 1 мая 1885 г., Петербург

«Пусть лучше разобью себе лоб в попытках создать себе что-нибудь новое, чем идти в хвосте школы, которая из всех школ, по моему мнению, имела меньше всего вероятности утвердиться на долгие годы. Ибо она-то и представ-